

Итокава Коити
(Япония)

СТО ЛЕТ ПЬЕСЕ «НА ДНЕ»

Новую жизнь обретает творчество Горького во главе с пьесой «На дне» сейчас, на заре нового столетия, когда родина писателя, так сказать, вернулась в эпоху создания этой пьесы. На глазах у нас оправдывается знаменитая теория Ницше «вечного возвращения».

Говорят, что «история повторяется». Россия текущего рубежа веков во многом походит, на мой взгляд, на Россию предыдущего рубежа. На предыдущем рубеже Россия шла от капитализма к социализму, а на текущем — Россия идет, диаметрально противоположно, от социализма к капитализму. Текущий рубеж является переходной эпохой, так же как ей и являлся предыдущий. Вот почему, по-моему, пьеса Горького «На дне», созданная ровно сто лет тому назад, приобретает новую актуальность в реальной жизни современной родины великого русского писателя.

Не случайно в пьесе «На дне?» встречаются эпизоды, в которых ведутся диалоги, включающие в себя такую лексику, как «проходящий», «странствующий» и тому подобные. Цитирую один из таких диалогов пьесы:

«Василиса. Ты кто такой?

Лука. Проходящий... странствующий...

Василиса. Ночуешь или жить?

Лука. Погляжу там...

Василиса. Можно...

Василиса. Прохожий... тоже! Говорили бы — проходимец... все ближе к правде-то...

Лука (вздохнув). Ах, и неласкова ты, мать...» (VII, 125–126).

В переходную эпоху общество обильно, так сказать, «людьми-прохожими», «людьми странствующими» и тому подобное, и даже «людьми лишними». Чуть ниже этого диалога встречается следующий:

«Бубнов. Настёнка!

Настя. А?

Бубнов. Чего Василиса на Алешку бросилась?

Настя. Он про нее говорил, что надоела она Ваське и что Васька бросить ее хочет... а Наташу взять себе. Уйду я отсюда... на другую квартиру.

Бубнов. Чего? Куда?

Настя. Надоело мне... Лишняя я здесь.

Бубнов (спокойно). Ты везде лишняя... да и все люди на земле — лишние» (VII, 127–128).

Невольно чувствуешь тут философскую атмосферу. Недаром пишут о пьесе «На дне», как о философской драме:

«Идея о «космократической» миссии человека оказывается тематической основой в философской драме «На дне»; здесь прежняя «босяческая» образная экзотика превращается в общечеловеческую символику, которая знаменует неумолимое восхождение от «хаоса» к «гармонии» бытия (так, герои пьесы — странник Лука и босяк Сатин — волею автора пьесы повторяют положения поэмы «Человек»). Необходимо заметить, что в подобном же «космократическом» духе Горького истолковывалась в этот период творчества и деятельность революционеров (в частности, большевиков), ратующих за «переустройство общества» на основах «общечеловеческой гармонии»¹.

О философском споре в пьесе пишет О. Сухих: «В пьесе три главных идеолога: Лука, Сатин и Бубнов. Каждый из них имеет свою, четко выраженную позицию в философском споре. Остальные персонажи пьесы в той или иной степени тяготеют к позиции одного из них (некоторые «двигаются» от одного из трех полюсов к другому: Клещ — от Бубнова к Луке, Барон — от того же Бубнова к Сатину)»².

Явственна, так сказать, «философия переходной эпохи» в пьесе «На дне». Не случайно одним из центральных персонажей пьесы является Лука — странник, странствующий старик. Для этой философии символично первоначальное заглавие пьесы — «Ночлежка». Ведь ночлежка — место проживания для бездомных. В одном из толковых словарей русского языка читаем: «Ночлежный дом — дом, помещение, в котором за низкую плату предоставляется ночлег бездомной бедноте в капиталистических городах»³.

У нас в Японии большую актуальность приобретает в эти годы пьеса Горького «Ночлежка», то есть «На дне». Лет десять экономика Японии падает. Пропорционально росту безработицы увеличивается и число бездомных. А бездомные находят приюты, то есть своеобразные ночлежки в углах крупных городов. Ясно, что Япония находится на глубоком экономическом «дне». А только на экономическом ли «дне»? Вряд

ли так. Надо сказать, на мой взгляд, что и на культурном дне, по крайней мере. Если бы Горький был жив сейчас, он писал бы и японскому переводчику пьесы «На дне», так же как он писал испанским переводчикам этой пьесы лет сто тому назад: «Верю, что она может быть полезна в стране, где, как и в России, народ утешается надеждой на милости и блага небесные, в то время как на земле он живет в несчастьях, бедности и в затмении разума» (VII, 605).

Общество резкой переходной эпохи чревато бездомной беднотой. Общество, обильное бездомными, лишено постоянства и устойчивости. Тут общество переживает не только экономический кризис, но и культурный. К сожалению, родина автора пьесы «На дне» в настоящее время снова находится, так сказать, «на дне», причем и экономическом и культурном. Однако это послужит доказательством того, что жизнь творчества Горького вековечна, по крайней мере, столетняя. Я имею в виду то, что как раз в этом году исполняется ровно сто лет пьесе «На дне». Смело можно сказать, что тут творчество Горького приняло явно пророческий характер. И вполне естественно, что в резкие переходные периоды встаёт коренной вопрос о человеке. В такие времена вопрос о человеке стоит очень остро. Не случайно в исходе пьесы «На дне» в речи Сатина громко и многократно звучит слово «человек».

«Когда я пьян... мне всё нравится. Н-да... Он молится? Прекрасно! Человек может верить и не верить... это его дело! Человек — свободен... он за всё платит сам: за веру, за неверие, за любовь, за ум — человек за всё платит сам, и потому он свободен! Человек — вот правда! Что такое человек?...» (VII, 177).

Почти одновременно с пьесой «На дне», всего лишь год спустя, Горький пишет поэму «Человек».

«...В часы усталости духа, — когда память оживляет тени прошлого и от них на сердце веет холодом, когда мысль, как бесстрастное солнце осени, освещает грозный хаос настоящего и зловеще кружится нал хаосом дня, бессильная подняться выше, лететь вперед, — в тяжелые часы усталости духа я вызываю пред собой Величественный образ Человека.

Человек! Точно солнце, рождается в груди моей, и в ярком свете его медленно шествует — вперед! и — выше! — трагически прекрасный Человек!» (VI, 35).

Справедливо поставила тему «Горький и Достоевский: Продолжение «легенды...» О. Сухих, так как чуть ниже приведённой цитаты из пьесы «На дне» прозвучит тема «Легенды о великом инквизиторе» в романе «Братья Карамазовы» Достоевского.

«Я — арестант, убийца, шулер... ну, да! Когда я иду по улице, люди смотрят на меня, как на жулика... и сторонятся, и оглядываются... и часто говорят мне — «Мерзавец! Шарлатан! Работай!» Работать? Для чего? Чтобы быть сытым? (*Хохочет*). Я всегда презирал людей, которые слишком заботятся о том, чтобы быть сытыми... Не в этом дело, Барон! Не в этом дело! Человек — выше! Человек — выше сытости!..» (VII, 177).

Тут своего рода суд истории. Столетняя история гениальной пьесы Горького «На дне» обнаружила ее вечную ценность и связала ее с гениальной легендой Достоевского «Легенда о великом инквизиторе». В этом Горький сходится с Достоевским. Однако в другом — в богостроительстве и богоискательстве — они расходятся друг с другом. По этому поводу убедительно пишет Г. Щенников: «Д.С. Мережковский указал на радикальную противоположность горьковской идеи богостроительства как лжерелигии подлинному богоискательству, которым Достоевский был увлечён всю жизнь: богоискатель исходит из убеждения, что «Бог есть», богостроитель из мысли «У нас нет Бога, и надо его создать». Богостроительство, по Мережковскому, это творение не Бога, а идолов, подчинение религии политике»⁴.

Однако в творческой биографии Горького идеи богостроительства возникают позже пьесы «На дне», в годы первой эмиграции (1906–1913). Поэтому, надо справедливо оценить достоинства Горького, автора шедевра «На дне». С точки зрения авторской позиции, пьеса «На дне» тоже сродни «Легенде о великом инквизиторе», несмотря на заметное резлиние жанров. Обе вещи служат яркими примерами для теории полифонии М. Бахтина. А что касается этой теории нельзя обойти его книгу о Достоевском «Проблемы поэтики Достоевского». О. Сухих в вышеуказанной книге «Горький и Достоевский» (Глава 3. «Истина и сострадание (мотивы «Легенды о Великом инквизиторе» в пьесе «На дне»), упоминает о Достоевском, так сказать, как о предшественнике теории полифонии для Горького: «Пьеса живет в «большом времени», взаимодействует с ним, в контексте каждой эпохи позволяет раскрыть в себе все новые оттенки смысла, и это на каждом очередном историческом повороте заставляет по-новому взглянуть на решение поставленных Горьким вслед за Достоевским вопросов. Возможность различных трактовок заложена, кроме того, в самой природе пьесы и определяется, с одной стороны, характером ее философской проблематики, ибо в ней ставятся вопросы из разряда «вечных», неразрешимых, «коренных», а с другой — особенностями ее художественной структуры. В пьесе мало

прочных сюжетных опор, которые давали бы основания для ее «однозначного прочтения»⁵.

Однако следует указать и на то, что Горький в конечном счете отстаивает идеал «ощущающего человека как центр мира»⁶. Поэтому идеи полифонизма (развитые Бахтиным) преодолеваются. С серьезной критикой этой теории выступал Д. Лихачев: «И действительно, персонажи дают возможность взглянуть на явление с разных сторон. Если это есть полифонизм, то полифонизм лирического произведения — полифонизм, подчиненный выражению авторских чувств, мыслей и «мыслей чувств»⁷.

Другим критиком теории полифонизма явился С. Фудель, автор книги «Наследство Достоевского»⁸.

Несмотря на крайнюю трудность разрешения вопроса об авторской позиции «На дне», сейчас, спустя ровно сто лет после создания этой пьесы, назрела необходимость закончить полемику по этому вопросу.

Примечание

1. Русские писатели. 20 век. Биобиографический словарь. М.: Просвещение, 1998. С. 385.
2. Сухих О. Горький и Достоевский: продолжение «легенды...». Нижний Новгород, 1999. С. 50.
3. Словарь русского языка: В 4 т. 1958. С. 700.
4. Щенников Г. Горький-Достоевский: сближение антагонистов // Щенников Г. Цельность Достоевского. Екатеринбург. 2001. С. 406–407.
5. Сухих О. С. 65–66.
6. Там же. С. 68.
7. Лихачев Д. Поэтика древнерусской литературы // Лихачев Д. Избранные работы: В 2 т. Т. 1. 1987. С. 607.
8. Фудель С. Наследство Достоевского. М., 1998. С. 227.